



Большая семья исследователей большого озера.

Объект исследований — БАЙКАЛ

(Окончание.
Начало на 7—9-й стр.)

Кредо академика

Оно во многом не совпало с мнениями директоров других иркутских академических институтов. И очень хорошо. Единомыслие в науке — повод для беспоконья. Разномыслие — повод для творческого удовлетворения. Кредо академика Михаила Александровича Грачева было резким по форме, но оптимистичным по содержанию, чего, честно признаться, никак не ожидал.

Публикуем его точку зрения практически дословно, без купюр.

Грачев говорил: — Я хотел бы с вами поделиться одним сюжетом. Помните картину у Сокурова, когда съемка идет в ритме нон-стоп при прохождении по Эрмитажу, словно через века?

— Помню.
— Если бы режиссер такого же уровня, — продолжал Михаил Александрович, — прошел по нашему институту, по соседнему и по другим, то это тоже было бы кино. И едва ли менее интересное. Оно бы проиллюстрировало, кто из институтов жив, а кто не совсем жив. Я вам советую: пройдите по всем институтам, хотя бы так, как по нашему, и вы хорошо поймете, что мешает академической науке, а что помогает. Знаете, где больше всего жалуются на нехватку денег?

— Нет, не знаю.
— В США, — сообщил с легкой улыбкой Грачев. — Там любой разговор начинается с признания, что мало денег. У человека, за редчайшими исключениями, никогда не бывает много денег. Ничего нового в том, что денег мало, нет. Должен вам признаться: тезис о том, что нужно поддерживать российскую науку, у меня вы-

зывает отвращение. Так же как и тезис о необходимости поддерживать отечественного производителя. Уж если его надо поддерживать, то, может быть, ему пора завязывать со своими делами?! Не понимаю, что такое поддержка. Что мы, нищие, что ли?!

Конечно, у нас много трудностей. Конечно, нам не хватает денег. И очень много не хватает. Но тем не менее мы живы, и у нас есть прекрасное валютное оборудование. Вы его видели?

— Видел.

— Так вот, это оборудование, — продолжал директор института, — работает в коллективном режиме. У нас очень много молодежи. Хотя на Запад тоже немало уехало. Замечательно! Зато много новых ставок освоилось... Придет другая спонсорная молодежь.

— Жестко вы судите...

— Но трезво. У нас есть отдельные ключевые проблемы. И решать их нам надо всем вместе. Проблема номер один: что хочет от нас государство? Точного ответа нет. Да еще выражается оно не вполне внятно. Но я думаю, что оно от нас хочет глобализации. Нельзя установить мировой рекорд Иркутской области во всех видах. Допустим, у нас хороших бегунов мало, а толкателей ядра много. Вот о чем идет речь. Та фундаментальная наука, которая у нас есть, должна устанавливать мировые рекорды. По всем дисциплинам мы такие рекорды не установим. А иметь фундаментальную науку второго сорта нет необходимости. Отдаленная необходимость в ней, может быть, и есть, но надо знать, что пишет Запад и какие у него возможности. В нашем институте это пока понимают. Надо не поддерживать производителей, надо не сдавать в аренду свои помещения, чтобы платить зарплату бедным ученым, которые



Академик Михаил Александрович Грачев.

нередко сидят дома и непонятно чем занимаются.

— Знаете, вы стоите на позициях министра Фурсенко, которого, мягко скажем, недолюбливают даже те, кто замечательно работает в лабораториях, а не сидит дома.

— Во-первых, это едва ли позиция Фурсенко. Он человек подчиненный, что тоже надо понимать. Во-вторых, это позиция не Фурсенко, потому что это глобальная позиция. Просто в других странах она раньше утвердилась. В Америке есть лозунг: публикуй или погибай.

Конечно, тезис «публикуй или погибай» спорный, не универсальный. Вполне можно при таком подходе какого-то талантливого исследователя не заметить, не оценить. Но другого усредненного критерия нет. «Если у тебя корова имя, то у тебя должно быть молоко и вымя». Ученый должен публиковаться и делать открытия мирового уровня. И точка. Другой фундаментальной науки нет. И никакого внедрения нет в этой науке. Это все последствия фундаментальных исследований, а не сама наука. Отсюда вытекает: знать индекс цитирования каждого труженика науки. То есть знать ему цену. Если уж не всех, то хотя бы начальников.

Вот говорят: у географов не

так, у археологов не так... Посмотрите в литературу, и вы увидите: да, эти индексы по величине различаются. Но не бывает нулевого индекса у заметного ученого. У нас в институте платят надбавку за хороший индекс цитирования. А он накапливается всю жизнь. Но на деле как получается?! Тот, кто имеет тысячу, предположим, процитированных статей, получает, грубо говоря, три рубля; тот, кто сто статей, получает два рубля, а тот, кто всего десять статей, все равно получает один рубль надбавки. Почему этот принцип не применить к институтам? У большого института будет большой и суммарный индекс цитирования. И он должен получать больше денег. А у кого ноль, их нужно отсеять. Увы, но нолевых ученых, к сожалению, у нас немало. И это представители, на мой взгляд, не фундаментальной науки. Потому что у них нет мировых рекордов. Это требование глобализации и мировой науки, а не Фурсенко. Нет смысла одно и то же открытие делать трижды. Словом, индекс пора вводить, и его не надо пугаться. Не могу не сказать, что Николай Леонтьевич Добрецов очень многое сделал, чтобы Сибирское отделение РАН преобразовывалось в этом направлении. А Москва не сделала практически ничего.

Мотивом фундаментальной науки внедрение не является. Мотивом является рекорд в познании природы, общества и т.д. Внедрение необходимо. Но нельзя забывать, что цикл инновационный в фундаментальной науке — от десяти до двадцати лет. Помню, что вы давно писали про «Мили-Хром». Но прошло уже более десяти лет. Зато к сегодняшнему дню этих первоклассных приборов выпустили шесть тысяч штук. Сейчас выпускают новые модификации «Мили-Хромов». И от того, что мы напишем, или вот создан инкубатор или инновационный центр, мозги в этом месте все равно враз не заведутся. Это длительный процесс с большим отходом неудачных проектов.

Не поймите меня так, что я против внедрения. Нет! Мы то-

же им занимаемся: организовали производство чистой питьевой воды из глубин Байкала, проложили кабель на Ольхон и т. д. Но внедрение не может быть мотивом для фундаментальной науки. Мотив для нее — рекорд при познании природы, овладении новых знаний.

Подведу некоторый итог: не так уж плохо мы живем, как об этом говорим. Пора заканчивать стон. Приведу вам по годам бюджетное финансирование по институту: 2000 год — 11 миллионов рублей; 2001 год — 20 миллионов; 2002 год — 30 миллионов; 2004 год — 45 миллионов. Хотя одному чиновнику, не говоря уже о Фурсенко, кто-то сказал спасибо за постоянный рост финансирования науки?! А ведь это очень заметный рост. Надо работать, а не ныть. С молодými нужно работать в первую очередь.

Упомяну еще одну проблему. Посмотрите на рабочих местах распределение людей по возрасту в разных институтах. Вы увидите, что средний возраст примерно сорок-пятьдесят лет. Но увидите также, что во всех институтах это распределение бимодальное. То есть максимум на тридцати годах и максимум на пятидесяти шести годах. А там, где средний возраст, там провал. Нам неоткуда черпать лидеров. Это большая опасность. И у нас есть единственный выход. Подчеркиваю, единственный — отменить карьерное требование по защите докторских диссертаций. В США, как известно, никаких докторов наук нет. Если мы не найдем амбициозных, способных и еще не уставших лидеров, то погибнем. Нет у нас таких докторов наук сейчас. Я не против докторских диссертаций. Но нельзя требовать из карьерных соображений, чтобы директор обязательно был доктором наук. Им некогда заниматься докторскими диссертациями. Решим эту проблему — и у нас будут молодые лидеры.

Ролен ПОТМАН.
Фото Владимира КОРОТКОРУЧКО.